

ЛУКА
МУДИЩЕВ

в переводе на иврит

текст снабжен транскрипцией и подстрочником

Иван
Барков

Шауль
Резник

Предисловие рецензента

Я хотел, блядь, вам сказать, что пиздец. В последнее время люди стали мало читать книги. Пиздец, раньше все читали всяких там Львов Толстых, Маминов-Сибиряков, Гаршинов, Достоевских и Набоковых.

Вот и в Хуйфе у нас был клуб пенсионеров-поэтов. Читали там другу другу стихи типа:

Милый друг мой Вася, я тебе сдалася.
В родном Израиле с тобой я пооблася.

или

Наконец я приехал в Израиль,
Жаль, что мозг свой в России оставил.

Так вот, в один прекрасный день пришли, сука, архаровцы и замели весь этот клуб из семи залуп по причине неуплаты за помещение.

А вот был писатель Шукшин. Совесть советской деревни. Ни хуя про залупы не писал. Все больше про евреев намекал да христианских младенцев. Однако ж, блядь, КГБ его убил. Инфарктным газом.

Сейчас вам предстоит прочесть роман Баркова про хуи и пезды в переводе Шауля Резника. Я сам не поклонник Баркова, а поклонник Сэмюэля Беккета. Беккет тоже имел хуй, но, конечно, меньше, чем у Луки Мудищева. Поэтому современному человеку важно знать все про Мудищева. И желательно на иврите. От этого беспесды растет хуй.

Какая связь, вы спросите? А включите мозги, да и поймете, ры-гы-гы-гы-гы-гы.

Леха «Тангодансер» Сапожников

Предисловие переводчика

Режиссер Александр Стефанович, один из мужей А. Б. Пугачевой, сказал: искусство – это когда ты делаешь не то, что делают другие. Поэтому вместо того, чтобы переводить серьезных русских поэтов, я взялся за Баркова.

«Лука Мудищев» был выбран для работы не только из-за содержания, но и из-за формы. Да, это скабрёзное произведение, неприличное, но... с подвывертом. Со скрытыми цитатами из классиков, с описаниями традиционного московского быта. «Мудищев» построен на том же принципе, что и произведения современных представителей соц-арта: берется внешняя форма, в данном случае, форма любовного романа, и в нее втискивается абсолютно неподобающее, несерьезное содержание.

По мере продвижения ивритская версия «Луки Мудищева» публиковалась и обсуждалась в «Живом журнале»: (www.livejournal.com/~shaulreznik/350635.html). Особых проблем при переводе не возникало. Хотя, пожалуй, названия мужских и женских половых органов в сочетании с многочисленными русскими суффиксами вызывали известные затруднения. Их удалось преодолеть – консультации пользователей «Живого журнала» очень помогли. В частности, поэт Иона Гонопольский предложил адекватное название романа: «Лука Бейцович», от *бейци́м* – яйца.

Шауль Резник

Алфавит иврита

א	алеф	ט	<i>t</i>	тет	פ	<i>n</i>	пей
ב	<i>b</i>	י	<i>y</i>	йуд	ף, פ	<i>ph</i>	фей
ב	<i>v</i>	כ	<i>k</i>	каф	ץ, צ	<i>ts</i>	цади
ג	<i>g</i>	ח	<i>x</i>	хаф	ק	<i>k</i>	куф
ד	<i>d</i>	ל	<i>l</i>	ламед	ר	<i>r</i>	рейш
ה	<i>h</i>	ם, מ	<i>m</i>	мем	ש	<i>sh</i>	шин
ו	<i>v</i>	ן, נ	<i>n</i>	нун	ש	<i>s</i>	син
ז	<i>z</i>	ס	<i>s</i>	самех	ת	<i>t</i>	тав
ח	<i>x</i>	ע		аин			

◌	<i>a</i>	камац гадоль	◌	<i>i</i>	хирик мале
◌	<i>a</i>	патах	◌	<i>i</i>	хирик хасер
◌	<i>a</i>	хатаф-патах	◌	<i>o</i>	холам мале
◌	<i>ə</i>	цере мале	◌	<i>o</i>	холам хасер
◌	<i>ə</i>	цере хасер	◌	<i>o</i>	камац катан
◌	<i>ə</i>	сеголь	◌	<i>o</i>	хатаф-камац
◌	<i>ə</i>	хатаф-сеголь	◌	<i>u</i>	шурук
◌	<i>ə</i>	шва	◌	<i>u</i>	кубуц

Пролог

אתן – הנשואה עדן,   О вы, замужние, о вдовы,
האלמנה, הבתולה,   О девки с целкой наотлет!
הרשו לי להגיד תחלה   Позвольте мне вам наперед
על זיונים מלה או שתיים.   Сказать о ебле два-три слова.

בסבלנות להזדווג יש,   Ебитесь с толком, аккуратно,
כמוין מזדמן מגביר ת'רגש,   Чем реже еться, тем приятней,
אך אל לגברת להסכים   Но боже вас оборони
לזיונים בלתי פוסקים: От беспорядочной ебни!

בגלל תשוקה לא מרסנת   От необузданной той страсти
תדעי הרבה צרות וסבל,   Пойдут и горе и напасти,
ולא תהיי עוד מרצפה   И не насытит вас тогда
מאחה זין ממצע.   Обыкновенная елда.

*Atén, a-nesuá adáin, a-альманá, a-бетула́, arshú li leagíd tghilá
аль зиюни́м милá о штáим. Бе-савлану́т леиздавэг йеш, стущ
миздамéн магбúр та-рэгеш, ах аль ла-звéрет леаскíм ле-зиюни́м
бильтí-поскíм. Биглáль тшукá ло-мерусéнет тед'í арбé царóт ве-
сéвель, ве-ло тийí од меруцá ме-зúзе зáин мемуцá.*

Вы – замужняя еще, вдова, девственница, разрешите мне сказать сначала о ебле слово или два. Терпеливо спариваться следует, перепих подвернувшийся усиливает чувство, но нельзя госпоже соглашаться на еблю непрекращающуюся. Из-за страсти необузданной познаешь много бед и страдания и не будешь более довольна каким-нибудь хуем среднестатистическим.

אֲשֶׁרֵי כֹּל מְעוֹן אֶעֱיֹר-גִּיל,	Блажен, кто смолоду ебет
וְזָקֵן – אִף יַחֲרֹבֵן בְּנַחַת,	И в старости спокойно серет,
כֹּל מִי שֶׁבִּשְׂתֵּיהָ רָגִיל	Кто регулярно водку пьет
וּמִסְרֵב אֲשֶׁרֵי לְקַחַת.	И никому в кредит не верит.
עַם מִיֵּן נְשֵׁי הַיְמִיב הַמְּבַע,	Природа женщин наградила:
נָתַן לָוּ אֲשֶׁר וּתְבוּנָה,	Богатство, славу им дала,
בֵּין הַרְגָּלִים חוֹר נֶקֶב הוּא	Меж ног им шелку прорубила
וּבָשֶׂם בּוֹם אוֹתוֹ בְּנָה.	И ту пиздою назвала.
אִשָּׁה רוֹאֶה בּוֹ מִיֵּן בְּסִפְתָּ	Она для женщины игрушка,
(לְכֹן לְחוֹר זֶה בּוֹם קוֹרְאִים),	На то название ей пизда,
אֲשֶׁר רְבִים בְּפָנִים אוֹסְפֹת	И как мышинная ловушка,
דְּנִמַּת מְלֻכְדָּת עֶכְבְּרִים.	Для всех открытая всегда.

Ашрей коль мезаён у'ир-гиль: язкин, аф йехарбен бе-нахат. Коль ми ше би-штия рагиль у-месарев ашрай лакалат. Им мин наши эйтив а-тева, натан ло бшер у-твуня. Бейн а-раглаим хор никев у у-вешем кус отб кина. Ишя роа бо мин касефет, лахен ле-хор зэ кус кор'им, ашер рабуим бифниим осефет дугмат малкодет ахбарим.

Блажен всякий ебарь младовозрастный: состарится, также будет срать в удовольствии. Всякий, к питью привыкший и отказывающийся кредит брать. С родом женским хорошо поступила природа, дала ему счастье и разумение. Между ног дыру просверлила она и именем «пизда» его нарекла. Женщина видит в ней эдакий сейф, поэтому дыру эту пиздой называют, она многих внутри собирает по примеру ловушки для мышей.

מוֹשֶׁךְ אֵלָיו הוּא מְבַל עֶבֶר   Она собой нас всех прельщает,
וְאַהֲרָה רַבָּה קוֹמֵף.   Манит к себе толпы людей,
הַיָּצוֹן הַמִּסְכֵּן דוֹאֵה בּוֹ   И бедный хуй по ней летает,
כְּמוֹ נְחֹלֵי־אֵלִי בְּמִרְתֵּף.   Как по сараю воробей.

*Мошѐх элѐв у ми-кóль э́вер ве-ага́ раба́ котѐф. А-зѐин а-мискѐн
до́э бо, кмо нах.лиэ́ли ба-мартѐф.*

Привлекает она к себе со всех сторон и приязнь великую собирает. Хуй несчастный планирует по ней, как воробей по подвалу.

I

בְּבֵית בְּמוֹקְקֵה הַקֶּרֶת   Дом двухэтажный занимаая,
בֶּן שְׁתֵּי קוֹמוֹת חַיְתָה מִבְּבֶר   В родной Москве жила-была
בְּאַלְמָנוּת עֲלֻמָּה סוֹחֶרֶת   Вдова – купчиха молодая,
סְמוּקֶת פָּנִים, צְחוּרֶת צָנָאָר.   Лицом румяна и бела.

וּבַעֲלָהּ זַ"ל, בְּשֵׁמֶת הוּא,   Покойный муж ее мужчиной
הָיָה צָעִיר עוֹד וְחַמְבּ,   Еще не старой был поры.
אֶבֶל נִפְטָר בְּמָרָם עַת הוּא   Но приключилась кончина
בְּגִין הַחֹר שְׁלֵאֲשֶׁתוֹ.   Ему от жениной дыры.

נָשִׁים דְּגִדְדָנָן זְמַן הוּא,   На передок все бабы слабы,
אָעִיד, בְּלֹא לֹאמֵר בְּדוּתָהּ,   Скажу, соврать вам не боясь,
אֶבֶל אַף פָּעַם לֹא רְאִינוּ   Но уж такой ебливой бабы
רוֹדְפֶת זַיּוּנִים כְּמוֹתָהּ.   Никто не видел отродясь!

*Be-báit be-Moskvá a-kéret ben shei komót xaitá mikvár be-
almenút almá soxéret, smukát paním, uxorát cavar. U-vaalá
zaqá.ľ, kše-mét y, aiyá caur od va-xatób, aváľ niftar betérem
et y begin a-xor sheleuštó. Naším dagdeganán zamín y, aíd, be-
lo lomár bđutá, aváľ af páam lo raínu rođéfet ziuním kmotá.*

В доме в Москве-городе двухэтажном жила давно во вдовстве девица-купчиха, краснолицая, белошея. И муж ее, да будет память праведника благословенна, когда умер он, был еще молод и статен, но скончался преждевременно из-за дыры жены его. Женщины – клитор их доступен, я свидетельствую, не рассказывая выдумки, но ни разу не видели мы гонящуюся за еблей, подобную этой [женщине].

אָצִלָּהּ הַפֶּעַל הַמְנוּחַ
הָיָה כְּחוּר שְׁקֵט, נְנוּחַ,
לְכֹן אִשְׁתּוֹ עָלָיו צִוְיָהּ
כָּל רֵגַע לְעֵן אוֹתָהּ.

Покойный муж моей купчихи
Был парень безответный, тихий.
И, слушая жены наказ,
Еб в день ее по десять раз.

קוֹרָה, שְׂאֵת רַגְלָיו גּוֹרֵר הוּא,
כְּמוֹ פֶּגֶר לֹא עוֹמֵד הַשְּׂמוּק.
הִיא מִתְעַלְמֶת וְגוֹעֶרֶת:
חַיֵּל דְּמָעָה, אֲבָל תִּדְפֹּק!

Порой он ноги чуть волочит,
Хуй не встает – хоть отрубил.
Она и знать того не хочет:
Хоть плачь, а все-таки еби!

בְּפֶגֶר זֶה לֹא הִתְאַמֵּן הוּא
מְמַשְׁכוֹת. נִקְפוּ יָמִים –
הָאִישׁ עָלָה לְמְרוֹמָיו,
אֵין שָׁם לֹא זִיוּנִים, לֹא עֶצֶב.

В подобной каторге едва ли
Протянешь долго. Год прошел,
И бедный муж в тот мир ушел,
Где нет ни ебли, ни печали.

*Эцла а-бааль а-манбаах айя бахур шакет, нинбаах. Лакен иштó
алав цивта коль рега лезайен ота. Корé, ше-эт раглав горер у,
кмо пегер, ло омед а-шмок. И мит'алéмет ве-гоэрет: азэль дим'а,
аваль тидфóк. Бе-фéрех зэ ло итамéц у мемушааóт. Накфу' ямíм
– а-иш ала ла-меромíм, эйн шам ло зиюни́м, ло э́цев.*

У нее муж покойный был парнем тихим, спокойным. Поэтому жена его ему приказывала каждое мгновение ебать ее. Бывает, что ноги свои тащит он, как труп, не стоит пиписька. Она не обращает внимания и сердится: проливай слезу, но трахай. В этом рабском труде не прикладывал усилия он продолжительное [время]. Прошли дни – муж вознесся на небеса, нет там ни ебли, ни грусти.

הַאֲלֻמְנָה כָּלֵל לֹא הַשְּׂבִיחַהּ
 וְהַשּׁוֹקָה סוֹעֶרֶת לְמִצּוֹת —
 לְכָל כּוּוֹן לְתֵת הַתְּחִילָהּ
 לְבוֹדְדִים וְלִקְבוּצוֹת.

Вдова, не в силах пылкость нрава
 И буйной страсти обуздать,
 Пошла налево и направо
 И всем, и каждому давать.

וַיִּגַּד אֹתָהּ זְקֵנִים לְאַלְלָהּ,
 גַּם עִם הַצְּעִירִים שָׂכְבָה לָהּ.
 מִי שְׂרוּחוֹ לֹא עֲצָלָהּ,
 בָּחַשׁ בְּתוֹךְ הַכּוֹס שָׁלָהּ.

Ебли ее и молодые,
 И старики, и пожилые,
 А, в общем, все, кому не лень
 Во вдовью лазили пиздень.

הַכּוֹס הַזְּעִינִים הָאֵלֶּה
 וְהַזְּעִינִים לְשִׁנְרָתָהּ.
 הַאֲלֻמְנָה כָּבֵד מִתְאַבְּלָתָהּ,
 בּוֹכָה, וְדֹמְעָתָה חֲדָה.

Всех ебарей знакомы лица,
 Их ординарные хуи
 Приелись ей, и вот вдовица
 Грустит и точит слез струи.

А-алманá клаль ло искíла тшукá соэрет лемацóт. Ле-холь киву́н латéт итхíла, ле-водедúм вели-квуцóт. Зийну́ отá зкенíм ле-А́ла, гам им а-цеирíм шахвá ла. Ми ше-рухó ло ацелá, бахáш бетóх а-кúс шелá. Афхú а-заянíм а-э́ле ве-зиргейэм ле-шигрáтá. А-алманá квар мит'абéлет, бохá, ве-дим'атá хадá.

Вдова совершенно не сподобилась страсть бурную исчерпать. По всем направлениям давать начала, индивидуумам и группам. Ебли ее боже какие старики, также и с молодыми возлежала она. Тот, дух чей не ленив, помешивал в пизде ее. Стали ебари эти и члены их обычным времяпрепровождением ее. Вдова уже в трауре, плачет, и слеза ее остра.

<p>אֶפְלוּ שְׂמוּזִין רְגִיל לְקַבֵּעַ אֶתָּה מִכֹּל אֶחָד נִבְצָר: לְזֶה יֵשׁ פִּין מְדֵי גְבוּהַ, וְלִשְׁנֵי – מְדֵי קֶצֶר.</p>	<p>И даже в еблишке обычной Ей угодить никто не мог: У одного – хуй неприличный, А у другого – короток.</p>
<p>וְהַשְׁלִישִׁי עִם פִּין זָעִיר הוּא, לְרְבִיעִי יֵשׁ אֲשָׁכִים מִמֶּנּוּשׁ כְּמוֹ תְּבוּיֹת שֶׁל בִּירָה, וְהֵם בְּכּוּם שְׁלָה מְכִים.</p>	<p>У третьего – уж очень тонок, А у четвертого – муде Похоже на пивной бочонок И больно бьется по манде.</p>
<p>עַל הַבִּיצִים הִיא דִּין גּוֹזֶרֶת: כְּמוֹ לְכָרִים, כָּלֵל לֹא נִרְאוֹת, כְּשֶׁל שֶׁפֶן קָמֵן הַזֶּרֶג. כְּלוּמֵר, אֵין סוּף לְגַחְמוֹת.</p>	<p>То сетует она на яйца: Не видно, словно у скопца. То хуй короче, чем у зайца... Капризам, словом, нет конца.</p>

Afúlu stuq ragíl. Likbba utá mi-kól éxad nivcár: la-ze ýesh pin midéy gavóá, vela-shení – midéy kacár. Vea-shliší im pin zaír y, la-revíy ýesh ašaxím mamásh kmo xavíyót šel bíra, ve-ém ba-kús šelá makím. Alé a-beíyím u din gozéret: kmo le-sarís, klal lo nirót. Kešél šafán katán a-zéreg. Klómár, éin sof la-gachmót.

Даже переписх обычный назначить с ней каждому было недоступно: у этого писюн слишком высокий, у второго – слишком короткий. Третий – с маленьким писюном он, у четвертого яйца прямо как бочонки пива, и они по пизде ее бьют. Яйцам она приговор выносит: как у кастрата, совсем не видны. Как у зайца, маленький член. Как говорится, нет конца капризам.

התפוננה במתרחש היא,
 עם אף אחד פָּכַר לֹא בְקֶשֶׁר,
 לְמִסְקְנָה בְרוּרָה אַחַת
 הִגִּיעָה תוֹךְ אֲמוּזֵי מוֹחָה:

И вот по здравому суждению
 Она к такому заключению
 Не видя толку уж ни в ком,
 Пришла, раскинувши умом:

”עֲכָשׁוּ הָאֲנָשִׁים קְטַנִּים פֹּה,
 אִין עוֹד זְרָגִים, יֵשׁ זְרָגוֹנִים פֹּה.
 בֵּין פֹּה וְכֹה אֲנִי נוֹמָה
 לְמַצָּא לִי בְלִבּוֹל רַב מְדָה.

«Мелки в наш век пошли людишки.
 Хуев уж нет – одни хуишки,
 Но нужно мне иль так, иль смяк
 Найти себе большой елдак!

רוֹצָה אֲנִי חֲתָן גְּדוֹל זֵין,
 וּכְשִׁידָפֵק אוֹתִי סוֹף סוֹף,
 אֲזוּ הִתְעַדְדָה הַשְּׁנַיִים,
 כְּמוֹ סְבִיבוֹן תְּחַתּוּי אֶפֶס!»

Мне нужен муж с такой едлою,
 Чтоб еть когда меня он стал,
 Под ним вертелась я юлою
 И зуб на зуб не попадал!»

Итбоненá ба-митрачéш и, им аф эхáг квар ло бе-кéшер, ле-масканá брурá эхát игúа тох иму́ц мохá: «Ахшáв а-анашíм ктанíм ко, эйн од зрагíм, йеш зиргонíм по. Бейн ко ве-хо, ани нотá лимцó ли бýльбуль рав мидá. Роцá ани хатán эголь зáин, ухшеעדфóк отí соф-сóф, азáу тирáдна а-шинáим, кмо севивóн тахтáв эсóв.

Поразмыслила над происходящим она: ни с кем уже не [находится] в связи. К выводу ясному одному пришла посредством напряжения мозга ее: «Сейчас люди маленькие такие, нет больше членов, есть членики тут». Что бы ни было, я склоняюсь [к тому], чтобы найти себе пипиську большого размера. Хочу я жениха большехуеого, и когда он трахнет меня в конце концов, тогда задрожат зубы, как волчок под ним заверчусь.

בְּשִׂוּיָא אֶת הַדְּרִישׁוֹת סוֹפְרֵת,	И рассуждая так с собою,
לְשִׂכְנֵיִת אֵחָת קְרָאָה,	Она решила сводню звать –
בְּדִי שְׂתַמְצָא לָהּ בְּמַהֲרָה	Уж та сумеет отыскать
בְּחֹר עִם זֶן לְתַפְאֲרָת.	Мужчину с длинную елдою!

Кшеі эт а-дришот софэрет, ле-шагханит эхат кар'а, кдеи шетимца ла бим'эра бахур им заин ле-тифэрет.

[В час.] когда требования она считает, сваху одну позвала, чтобы та нашла ей вскоре парня с хуем на славу.

II

בְּפֶאתַי מוֹסְקוֹבָה בְּשִׁקְמָה
בְּקִתָּהּ עִם חַלּוֹנוֹת עֲמֻדָה
בְּבִעֻלוֹת שָׁל הַתּוֹשָׁבֵת
מִמְרִיזָנָה מִרְקוֹבְנָה, אוֹתָהּ

В Замоскворечье, на Полянке
Стоял домишко в два окна.
Принадлежал тот дом мешанке
Матрене Марковне, она

קָשִׁישׁוֹנֵת בְּיָמִים נוֹדַעַת,
שְׁבַתוֹלָה הִיְתָה עֲדוֹן.
הִיא זֹוֹגִים זֹוֹגָה לֹא רַע
בְּשִׁדְכָנִית שָׁל הַבִּירָה.

Тогда считалася сестрицей
Преклонных лет, а все девицей.
Свершая брачные дела
Столичной своднею была.

נְנִית, יֵשׁ אִשָּׁה סוֹחֶרֶת
פְּרִיכָה, אֲשֶׁר הִקְזֵן אִשָּׁה.
לָהּ מִרְקוֹבְנָה חַיִּשׁ מִסְדֶּרֶת
בְּסִתֵּר עִם זֵין פְּנִישָׁה.

Иной купчихе – бабе сдобной,
Живущей с мужем-стариком,
Устроит Марковна удобно
Свиданье с ебарем тайком.

*Be-faatey Moskva be-sheket bikta im chalont amda be-vaalut
shel a-toшеvet Matrēna Mārkovna, otā kshishonet ba-yamim
nodat, she-betula aita adain. И зивугим зивга ло ра
keshadganit shel a-bira. Naniax, yesh uish soxeret prixa, asher
izkin usha. La Mārkovna xish mesaderet be-seter im zayn pnish.*

На округе Москвы в тишине избушка с окнами стояла, принадлежавшая жительнице Матрене Марковне, той старушке дней преклонных, девственницей бывшей все еще. Она сочтала браком неплохо в качестве свахи столичной. Предположим, есть женщина-купчиха сдобная, состарился муж которой. Ей Марковна быстро устраивает секретно с ебарем встречу.

אחת, במלה ומיזעת	Иная, в праздности тоскуя,
רוצה להתנחם בזון.	Захочет для забавы хуя,
עזרה ממריונה מוגישה,	Матрена снова тут как тут,
ומזינים את האשה!	Глядишь – красотку уж ебут!

גברים שכרו את שרותיה:	Мужчины с ней входили в сделку,
אם מענין להעסיק	Иной захочет гастроном
גורמה פזן הרותח,	Свой хуй полакомить, и целку
ממריונה בתולה פשוט.	К нему ведет Матрена в дом.

לשדכנית הנהדרת	И вот за этой, всему свету
בערב מעזן אחד	Известной сводней вечерком
האלמנה שלחה ברפרת	Вдова отправила карету
ותה הכינה במיוחד.	И ждет Матрену за чайком.

*Эח'ת, בתלאּ י-מעוז'את, רוצ'א ל'יתנח'עם בע-ז'ון. עזר'א Матр'ена
 מג'ישה, י-מ'ז'ינים את ה'א-שה! ג'ב'רים שכ'רו את ש'רות'יה: ים
 מע'נין לה'ע'סיק ג'ור'מה פ'זן הר'ותח, Матр'ена בע'ту'לא ת'ס'יע.
 לא-שאד'ח'נית א-נ'ע'ז'בר'ת בע-ז'רב מע'ז'ין ע'ח'ד א-אל'מ'נ'א ש'אל'ח'א
 ק'יר'כ'ר'ת בע-ת' ע'ח'י'נ'א ב'מ'י'ז'י'ג.*

Одна, праздная и измотанная, хочет утешиться хуем. Помощь Матрена оказывает, и ебут женщину! Мужчины арендовали услуги ее: если заинтересован занять гурман хуй кипящий, Матрена девственницу разбудет. К свахе чудесной вечером облачным одним вдова послала карету и чай приготовила специально.

הַשְׂדֵּחַנִּית הַגִּיעָה עָדַי   Вошедши, сводня помолилась,
 הַאִיקוֹנִין וְהִצְמִלָּהּ,   На образ истово крестясь,
 לְבַעֲלַת הַבַּיִת קָנָה   Хозяйке чинно поклонилась
 וְכֵן אָמְרָה הִיא, יְשׁוּבָה: И так промолвила, садясь:

"לָמָּה אוֹתִי אַתְּ מִבְּקָשָׁת,   «Зачем позвала, дорогая?
 הֲאִם הַפַּעַם צָרְךָ יֵשׁ בִּי?   Али во мне нужда какая?
 אִף אֲמַשְׁכֵּן אֶת נַשְׁמָתִי,   Изволь — хоть душу заложу,
 וְלָךְ אֲמַצֵּא הַקֶּהָר מִתְּאִים.   Но на тебя я угожу.

חֲתַנְצִיק שָׁל מִמּוֹשׁ רוֹצֶה אֶת   Коль хочешь, женишка спроворю.
 אוֹ שֶׁהַכּוֹס סָתֵם מִגְּדָר?   Аль просто чешется манда?
 אֲנִי אֶסְכֶּיִם בְּכֹל מִקְרָה   И в этом разе завсегда
 לְהַעֲנִיק מְזוֹר לְצַעַר.   Готова пособить я горю!

*А-шадханит игіа адеі а-иконін ве-ицталва, ле-ваалат а-баит
 када ве-хб амра и, йешува: «Ле-ма оті ат мевакешет, а-ім а-
 пбаам цбрех йеш би? Аф амашкен эт нишматі ве-лах эмца эсдер
 матім. Хатнчик шель мамаш роца ат, о шеа-кус стам
 мегаред? Ані аскім бе-хбль микре леаник мазор ла-цбар.*

Сваха прибыла к иконам и перекрестилась, хозяйке дома поклонилась и так сказала она, усевшаяся: «Почто меня ты ищешь, в этот раз нужда есть ли во мне? Даже заложу душу мою и тебе найду урегулирование подходящее. Женишка настоящего хочешь ты или пизда просто чешется? Я соглашусь в любом случае предоставить лекарство горю.

בְּלִי זְיוּנִים לְקַמֵּל תַּתְּחִילִי   Без ебли, милая, зачахнешь,
 וְהַחַיִּים יִתְבַּעְרוּ,   И жизнь вся станет не мила,
 אֲךָ מִזְבֵּן לָךְ וְעַרְוֹךָ   Но для тебя я припасла
 זֵיזָן בְּנֶה, שְׂתִשְׁתְּאֵי לָךְ!   Такого ебаря, что ахнешь!»

"חַיִּי לָךְ, מַרְקוֹבְנָה, בְּאִשֶּׁר.   «Спасибо, Марковна, на слове,
 עַל אִף שֶׁהֵנָּן בְּבִשָּׁר,   Хотя ебарь твой и наготове,
 אֹתִי נִבְאֵי לֹא יִפְתָּהּ הוּא,   Но мне навряд ли он придется,
 עַל אִף שֶׁלֹּזֵן יוֹדֵעַ.   Хотя и хорошо ебется.

אֲנִי נֹזְקֶת לְזֵזֵן-מָרֵף,   Мне нужен крепкий хуї, здоровый,
 אֲרַכּוּ בָּהּ"א מִפְּחִים, יוֹתֵר אִף.   Не меньше десятивершковый,
 אֵל לִי בְּתוֹךְ כְּלֵי שְׁהוֹת   Не дам я каждому хую
 לְתֵת לְזֵזֵן כְּלִשְׁהוֹ!   Посуду пакостить свою!»

*Бли зиуни́м ликмоль татхи́ли, ве-ахай́м иткаару́, ах мезумáн
 лах ве-ару́х зайн казé, шетиста́й лах!» «Хай́ лах, Ма́рковна, бе-
 óшер. А́ль аф шеа-зайн бе-хóшер, оти́ вага́й ло йефатé у, а́ль аф
 ше-лезаéн йодéа. Ани́ низкéкет ле-зен-тéреф, оркó ке-эй́ тфахíм,
 йотéр аф. А́ль ли бе-то́х келáй шеу́т латéт ле-зáин коль-ше-у́.*

Без ебли вянуть начнешь, и жизнь уродливой станет, но назначен тебе и приготовлен ебарь такой, что будешь поражена!» «Живи себе, Марковна, в счастье. Несмотря на то, что ебарь в [расцвете] сил, меня, конечно же, не соблазнит он, несмотря на то, что ебать умеет. Я нуждаюсь в хуе хищном, длиною в пять ладоней. Нельзя мне в посуде своей пребывание давать хую какому-либо!»

מַטְרֵינָה אִז מִפֶּק הַרִיחָה,
 תִּנְךָ אֲנִיחָה קוֹלָה הַנְּמוּיָה,
 לְדַקְתַּיִם נְאֻלְמָה
 וְכֵן הַפְּטִירָה לְעֻלְמָה:
 Матрена табаку нюхнула,
 О чем-то тяжело вздохнула,
 И помолчал минуты две,
 На это молвила вдове:

קָשָׁה, קָשָׁה, בְּתֵי נְחֻמָּה,
 לָךְ פִּין מַעֲזֵן יְהִי לְהַכִּין.
 מִה"א מְפָחִים הַפְּחִיתִי בְּמָה
 אֲמַצָּא שָׁל אַרְבַּעַה מְפָחִים!
 «Трудненько, милая, трудненько,
 Такую отыскать елду,
 Ты с десяти-то сбавь маленько,
 Вершков на восемь так найду!»

יֵשׁ לִי בְּמֵלֵאִי, נְזַפְרֵתִי, וְאֻלְלָה,
 בְּחֹזֵר אֶחָד. אֲנִי מוֹדָה:
 אִין בְּעוֹלָם בְּלוֹ מְלֹבֵד לוֹ
 פִּין שְׂבֻזָּה לְבִגֵי תְמוֹתָה.
 Есть у меня тут на примете
 Один парнишка, ей-же-ей,
 Не отыскать на белом свете
 Такого хуя у людей.

*Matréna az tabák эрйха, тох анахá колá инмйха, ле-дакатáим
 неэлмá ве-хáх ифтйíра ла-алмá: «Кашé, кашé, битй нухáма, лэх
 пин ме-эйн зе леахйн. Ме-эй тфэхйím афхйíti кáма, эмцá шель
 арбáй тфэхйím! Йеш ли ба-млáй, низкáрти, вáлла, бахýр эхáд. Анй
 модá: эйн ба-олáм кулó мильвáд ло пин ше-казé ли-внэй тмутá.*

Матрена тогда табак понюхала, во время вдоха голос свой понизила, на две минуты онемела и так сказала девице: «Тяжко, тяжело, дочь моя милая, тебе писюн вроде этого приготовить. С пяти ладоней снизь несколько, найду четырехладонный! Есть у меня в инвентаре, я вспомнила, оба-на, парень один. Я признаюсь: нет во всем мире, кроме него, писюна такого у смертных.

בַּחֲמַאי הָעֵינַן נָחָה   Сама я, грешница, узрела
שֶׁלְשׁוּם עַל זָרַג הַבְּרִנָּשׁ   Намедни хуй у паренька,
כְּשֶׁרָאִיתִיו, נִתְקַפְתִּי פֶּחַד: Как увидала – обомлела,
צָגוֹר כְּבוֹי הוּא שֶׁל מִמּוּשׁ!   Как есть пожарная кишка!

אֲרֹךְ יוֹתֵר הוּא מִשָּׁל פֶּרֶד.   У жеребца и то короче.
נִתֵּן מִלְּבַד הַהֶרְבֵּעָה   Ему бы ей не баб ебать,
אִף לְגֵרֵשׁ חֲלָדָה סוֹרֶרֶת   А той елдой восьмивершковой
בְּפִין – מְפָחִים בּוֹ אַרְבָּעָה.   По закоулкам крыс гонять.

הוּא אִישׁ בְּרִיא, שׁוֹפֵעַ לְהַמ,   Сам парень видный и дородный,
יִתְאִים לָךְ, בְּבִלְה, נוֹרָא.   Тебе, красавица, подстать,
בֵּן לְמוֹשֶׁפֶחַת אֶצְלָה הוּא,   И по фамильи благородный,
לוֹקָה בְּיִצְחָכִיךָ שְׂמוֹ נִקְרָא.   Лука его Мудищев звать.

Ба-хатаай а-аин наха этмоль аль зерег а-барнаш. Кше-реитив, ниткафти нахаг: цинор кибуй у шель мамаш! Арбх йотер у мишель перед. Нитан, мильвад а-арбаа, аф легареш хульда соререт ба-нин – тфахум бо арбаа. У иш бару, шоффеа лат, ят'им лех, бубале, нора. Бен ле-мишпахат ацула у, Лука Бейцович шмо никра.

[Пребывая] в грехах своих, глаз [мой] упокоился вчера на члене этого мужика. Когда увидела я его, была атакована страхом: шланг для тушения он настоящий! Длиннее он, чем у мула. Можно, кроме спаривания, даже прогнать крысу строптивую этим писюном – ладоней в нем четыре. Он человек здоровый, пышащий азартом, подойдет тебе, куколка, ужасно. Сын семьи аристократической он, Лука Мудищев имя ему наречено.

לְצַעֲרִי, לֹקֵה הַזֶּה הוּא
 לְלֹא בְּגָדִים יוֹשֵׁב עִתָּה.
 מִשָּׁבֵן הַפֶּל בְּבֵית מְרוֹחַ,
 בְּתַחְתּוֹנִים בְּלִבְד נֹתֵר.
 Но вот беда, теперь Лукашка
 Сидит без брюк и без сапог.
 Все пропил в кабаке, бедняжка,
 Как есть до самых до порток».

הַאֲלֻמְנָה הַמְּשַׁעֲשַׁעַת
 לְשִׁדְכָנִית כְּרָתָה אֲזוּנָה,
 לְחֻזוֹת זִיוֹן מְתוֹק בְּקִשְׁתָּהּ
 וּפְיָן אֲרֹךְ בְּבָר הַמְּיָנָה.
 Вдова восторженно внимала
 Рассказу сводни о Луке
 И сладость ебли предвкушала
 В мечтах о длинном едаке.

מִבְּלִי לְהִתְאַפֵּק, נִדְהַמָּת,
 אֵלַי מִמְּרִיזֵנָה הַתְּקַרְבָּה
 וְרֹךְ בְּדִי קְרִיאָה נִפְעָמָת
 חֲבָקָה אוֹתָהּ בְּאַהֲבָה:
 Не в силах побороть волненья,
 Она к Матрене подошла
 И со слезами умиленья
 Ее в объятия взяла:

*Le-yaarí, Luká a-zé u le-ló bğadím ýoshév atá. Miškén a-kól be-
 véít marzéax, be-taxtoním bilyváğ notár». A-almáná a-
 mshuasháat la-shadxanít kartá ozná, laxvót ziyón matók bikshá
 la y-fúin aróv kvar dymená. Mi-blí leit'apék, nig'émét, éléy
 Matréná utkarvá ve-tóv kedéy kriyá nif'émét xibká otá be-
 ahavá:*

К сожалению моему, Лука этот без одежды сидит сейчас. Заложил все в кабаке, в трусах только остался. Вдова развеселившаяся к свахе ухо повернула, испытать еблю сладкую хотела себе и писюн длинный уже представляла. Без того, чтобы сдержаться, поражена, к Матрене приблизилась и во время зова потрясенного обняла ее с любовью:

"מַטְרֵינָה, מֵימִים יְמִימָה
 הָיִית לִי שְׂדֵכְנִית וְאַמָּא.
 אֶת מֵר בֵּיצוֹבִיץ אֶתְרִי נָא
 וְחִישׁ הַבִּיאִי בְרָנָה.

«Матрена, сваха дорогая,
 Будь для меня ты мать родная!
 Луку Мудищева найди
 И поскорее приведи.

כַּמּוֹן אֶתָּן לָךְ מְלוֹא הַחֶפֶן,
 עַלֶיךָ אֶת הַדִּיל לְדַחֵף הֵן.
 בְּהוֹד הַלְבִישִׁי אֶת לוֹקָה,
 מִחֵר הָיִי בְנַחַד בָּאֵן.

Дам денег, сколько ты захочешь,
 А ты сама уж похлопочешь,
 Одень приличнее Луку
 И будь с ним завтра к вечерку».

שְׁלוֹשָׁה שְׂמֵרוֹת מְרַהֲיָבִי צָבַע
 הָאֶלְמָנָה נְדָבָה בְּפִיָּה,
 הוֹרְתָה אֶצְלוֹ לְהַתְנַיֵּב הִיא
 בְּבוֹקֵר, בְּלִי לְהִתְעַבֵּב.

Четыре радужных бумажки
 Дала вдова ей ко всему,
 И попросила без отяжки
 Уж по утру сходить к нему.

Матрѐна, ми-ямім яміма айт ли шадханіт ве-іма. Эт мар Бейцович атрі на ве-хіш авіи бе-ринá. Мамбн этѐн лаж мло а-хóбѐн, алаіх эт а-діль лідхóб эн. Бе-óд альбііши эт-Лукá, махár эйу́ бе-йахад кан». Шлошá штарóт мар'ивей цѐва а-альманá нидвá бе-кѐф, ортá эцлó леит'яцѐв и ба-бóкер бли леит'акѐв.

Матрена, с [давних] дней была ты мне свахой и матерью. Господина Бейцовича разыщи, пожалуйста, и наскоро приведи с ликованием. Денег дам тебе полную горсть, должна ты эту сделку проталкивать ведь. Великолепно одень Луку, завтра будьте здесь». Три купюры, захватывающие дыхание цветом, вдова пожертвовала по кайфу, приказала у него быть она завтра утром, не задерживаясь.

III

איש התגורר מול בית מרוח בחדר קר ומזוהם, רעב, מסטול לנצח. זהו לוקה – נוכל, מלשין, גנב.	В ужасно грязной и холодной Каморке, возле кабака, Жил вечно пьяный и голодный Вор, шпик и выжига – Лука.
ובנוסף לחיי דחק לוקה סבל מעוד סיזם, קרי: מהבלבול הארוך כזה, בו ארבעה מפרחים היו.	Впридачу бедности отменной Лука имел еще беду, Величины неимоверной Восьмивершковую елду.
בין צעירה, בין מבוגרת, בין פוסית, בין זונה נמהרת בראות את זה התענוג בלן לתת לו מאנו.	Ни молодая, ни старуха, Ни блядь, ни девка-потаскуха, Узрев такую благодать Ему не соглашались дать.

Иш итгорер муль бейт марзёах бе-хедер кар у-метуніф, раэв, мастуль ла-нецах. Зёу Лука – похель, мальшіи, ганив. Уве-носіф ле-хаёй добах Лука саваль ме-од сиёт, кре: меа-бульбуль а-арбах ко, бо арбаа тфачіім айу. Бейн цеира, бейн мевугерет, бейн куцит, бейн зона ним'эрет бир'от эт зе а-таануэ кулан латёт ло маану.

Человек проживал напротив кабака в комнате холодной и загаженной, голодный, обдолбанный вечно. Это Лука – мошенник, доносчик, вор. И в дополнение к жизни тягостной Лука страдал еще от одного кошмара, то бишь, от пиписьки длинной такой, в которой четыре ладони было. Что молодая, что взрослая, что телка, что проститутка скорая, видя такую усладу, все давать ему отказывались.

תתבכחו או תאמינו,
 אבל שמועות היו עוברות
 על כך שבגזרת הפין הוא
 זין למנות שתי גבירות.
 Хотите нет, хотите верьте,
 Но про Луку пронесся слух
 Что он елдой своей до смерти
 Заеб каких-то барынь двух!

מאז, בלי אהבה עבדו,
 לבר לוקה ביעוביז' גר,
 את יגונו מהל בזון,
 קולל את אהך האיבר.
 И с той поры, любви не зная,
 Он одинок на свете жил
 И хуй свой длинный проклиная,
 Тоску-печаль в вине топил.

הרשו לי, חברה, במקום אך
 לסמות הצדה לדקה,
 כדי לתאר לכם לעמק,
 את משפחתו של לוקה.
 Позвольте сделать отступление
 Назад мне, с этой же строки,
 Чтоб дать вам вкратце представленье
 О роде-племени Луки.

*Туткашув о таамину, аваль шмуот айу оврот аль ках, ше-
 беззрат а-нин у зиен ла-мавет штей гвирот. Ме-аз, бли аавá
 агаин, левáд Лука Бейцóвич гар, эт йегоно маáль бе-яин, килéль
 эт óрех а-эйвáр. Аршув ли, хéвре, ба-макóм ах листóт ациáа ле-
 дака, кгеи летаэр лахéм ла-óмек эт мишпахтó шеле-Лука.*

Опровергайте или верьте, но слухи ходили про то, что при помощи
 псьюна он выеб до смерти двух матрон. С той поры, без любви все еще,
 одиноким Лука Мудищев жил, горе свое разбавлял в вине, проклинал
 длину члена. Позвольте мне, кореша, в этом месте отойти в сторону на
 минуту, чтобы описать вам вглубь семью Луки.

ביצוביץ' – משפחה אנטיקה.
 אבות לוקה ביש המזל,
 עליהם פון בכיר העיק כה,
 חלשו על כפר ואחזה.
 Весь род Мудищевых был древний,
 И предки бедного Луки
 Имели вотчины, деревни
 И пребольшие елдаки.

ביצוביץ', שפורפיר קראו לו,
 הצחיק את איזאן האים,
 כשבאמצעות השטרונגול
 הוא משקולות הרים כל יום.
 Мудищев, именов Порфирий,
 Еще при Грозном службу нес
 И, поднимая хуем гири,
 Порой смешил царя до слез.

האיש, בלי להתמהמה,
 בצע את פקדת המלך:
 שני משרתים בושלים הרג
 הוא בהגף הפלכול רב.
 Покорный Грозного веленью,
 Своей елдой, без затрудненья,
 Он раз убил с размаху двух
 В вину понавших царских слуг.

*Бейцובич – мишпахא אנטיקא. אבות לוקא ביש א-מזאל, אלéэм
 נין кабір Эйк ко, халшў аль кфáр ва-ахузá. Бейцובич, ше-Порфíр
 кар'ў ло, ицхíк эт Ивáн а-айóм, кеше-беэмцаўт а-штрúнгуль у
 мишколóт эрíм коль íбм. А-íш, бли леитмаамéа, бицéа эт
 пкудáт а-мéлех: шней мешартíм кошлíм араг у бе-энéф а-
 б'у.לבב.לך.ראк.*

Мудищев – семья древняя. Праотцы Луки несчастного, которым писюн доставлял мучения такие, владели деревней и именем. Мудищев, которого Порфирий звали, смешил Ивана Грозного, когда при помощи пьськи он гири поднимал каждый день. Этот человек, не задерживаясь, выполнил приказ царя: двух слуг неудачных убил он взмахом пипськи только [лишь].

בַּיְצוּבִיץ' הָאַחֵר, שְׁמוֹ סָאָוָה,
 בּוֹ פֶּטֶר הִרְאִישׁוֹן בְּמַח:
 בְּקִרְבַּ קָשָׁה לְיַד פּוֹלְטָבָה
 עִם זֶן הוּא נִקֵּה תוֹתָה.

Другой Мудищев звался Саввой,
 Петрово дело защищал,
 И в славной битве под Полтавой
 Он хуем пушки прочищал.

גַּם הַמְלָכָה יְקַמְרִינָה
 קָרְבָה מְאוֹד בְּשַׁל הַפִּינ הַיָּא
 אֶת לֵב בַּיְצוּבִיץ' הַדָּבָם
 וְנִגְרַל-אַנְשֵׁף דָּאָז.

При матушке Екатерине,
 Благодаря своей хуине,
 В фаворе был Мудищев Лев,
 Как граф и генерал-аншеф.

אֵךְ סָבָא שָׁל לוֹקָה, לְהַפֵּךְ,
 אֶת אוֹצְרוֹתָיו בְּזָבּוּ עַד תָּם,
 לְכֹן לוֹקָה שְׁלָנוּ, נַעֲבָדָךְ,
 נִשְׂאָר עָנִי מִיְּנֻקוֹתָו.

Свои именья, капиталы,
 Спустил уже Лукашкин дед
 И наш Лукашка, бедный малый,
 Остался нищим с малых лет.

Бейцובич а-ахёр, шмо Савва, бо Пётр а-ришон батáх: би-крáв кашé лея́д Полта́ва им за́ин у никá тотáх. Гам а-малкá Екатерина кервá лебóд бе-шéль а-пíи и эт Лев Бейцобич а-дукáс ве-генерáл-анше́ф де-áз. Ах са́ба шéль Лукá, ле́эфех, эт оуротáв бизбéз ад тóм, лахéи Лукá шéла́ну, нéбех, ниш'áр ани́ мянкутó.

Мудищев другой, имя его – Савва, на него Петр Первый полагался: в бою тяжелом возле Полтавы хуем он чистил пушку. Также царица Екатерина приблизила очень ввиду писюна она Льва Мудищева, герцога и генерал-аншефа того времени. Но дед Луки наоборот сокровища свои растратил до окончания, поэтому Лука наш несчастный остался беден с младенчества.

הַזְעִיף פָּנִים לוֹ הַפְּזֵל. הֵן	Судьбою не был он балуем,
עָלִיו אֶרְצָה לְהַתְאֵבֵל:	И про него сказал бы я:
יָד הַגּוֹרֵל סִפְקָה לוֹ וַיֵּן,	Судьба его снабдила хуем,
וּפְרָט לוֹ – וַיֵּן הוּא קָבֵל.	Не дав в придачу ни хуя!

*Из'уф пани́м ло а-маза́ль. Эи ала́в эрце́ леит'абéль: яд а-горáль
сипка́ ло за́ин, у-фра́т ло – за́ин у кибéль.*

Гневный лик [обратила] к нему судьба. Соответственно, по нему хочу траур справлять: перст судьбы снабдил его хуем, и, кроме этого, хуй он получил.

IV

חָלַף עוֹד יוֹם, הַגֵּיעַ עָרֵב,
וְלֹא־רַחַם הַסּוֹחֵרֶת
בְּקֶצֶר רוּחַ מִמְּתִינָה,
הַזְמַן עוֹבֵר לְאִט אֲמָנָם.
Настал уж вечер дня другого.
Купчиха гостя дорогого
В гостинной с нетерпением ждет,
А время медленно идет.

בְּעוֹד הַחֲשֵׁכָה הַחֲלָה,
בְּמַי וְרִדִים הִיא הַתְּקַלְחָה
וּבְרֵי שְׂבָלוֹם לֹא יֵאָנֶה לָּהּ,
בְּאֲרָם אֵת הַפּוֹם מְשַׁחָה.
Пред вечерком она помылась
В пахучей розовой воде
И, чтобы худа не случилось,
Помадой смазала в пизде.

מִפְּנֵי זְרָגִים גְּדוֹלִים לֹא חֲשָׂה
מוֹרָא אוֹ פַחַד, כָּל שְׂפֹן,
אֲבָל אַחַד כְּמוֹ שֶׁל לוֹקֶשָׁה
עֲלוּל תִּרְחָם לְסַפֵּן.
Хотя ей хуй большой не страшен,
Но, тем не менее, ввиду
Такого хуя, как Лукашин,
Она боялась за пизду.

Халáф од йом, игiа эрев, вела-орéах а-сохéрет бе-кбóцер руáа мамтинiа. А-змáн овéр леáт омнiа́м. Бебó а-хашехá эхéла, бе-мéй врагiм и иткалхá у-хгéй ше-клýм ло йеунé ла, бе-бóдем эт а-кýс машхá. Миннéй зрагiм гдоли́м ло хáша морá о-пáхад, коль ше-кéн, авáль эхáд кмо шель Лукáша алу́ль та-рэхем лесакéн.

Прошел еще день, наступил вечер, и гостя купчиха с нетерпением ожидает. Время идет медленно, однако. С темноты началом в воде розовой она помылась, и чтобы ничего с ней не стряслось, помадой пизду смазала. Перед членами большими не испытывала она страха или боязни, тем более, но такой [член], как Лукашин, может матке представлять опасность.

הַדְּהַד צִלְצוּל, וְהַאֲזוּרָה
הַגִּיעַ אֶל הָאֵלְמָנָה.
הַבִּיטָה בְּעֵינָיו – בֶּן רֵגַע
הִחַל רוֹעַד בְּגִדְגָנָה.

Но чу! Звонок! Она вздрогнула,
И гость явился ко вдове.
Она в глаза ему взглянула,
И дрожь почудилась в манде.

מוֹלָה הַשְׂתַּחֲוָה אַפִּים
אִישׁ מְהֵשֵׁן, שׁוֹפֵעַ חֵן.
בָּבֶם שְׂהֶצְמַרְד מִיָּוֵן,
"לוֹקָה בִּיצוּבִיז" הוּא הַמָּהֶם.

Пред ней стоял, склонившись фасом,
Дородный, видный господин.
Он прохрипел пропитым басом:
«Лука Мудищев, дворянин».

מְרֵאָה צְעִיר, שְׂעַר אָסוּף לוֹ,
לְהַתְנַלֵּחַ הוּא הַמֵּיב,
הוּא לֹא הֵיחָ מִכְּמֹשׁ בְּסוּמֹל,
אֶךְ רֵיחַ אֶלְפוֹהוּל הַדִּיף.

Вид он имел молодцеватый,
Причесан, тщательно побрит,
И не сказал бы я, ребята,
Что пьян, а все-таки разит.

*Ид'эг цильцүль, веа-орéах игиá эль а-алманá. Ибита бе-эйна́в –
бин рéга эхéль роэд гаддеганá. Муlá иштахавá апáим иш
медушáн, шофéа хен. Бе-бáс ше-ицтарéд ми-йáн, «Лука́ Бейцóвич»
у им'эм. Мар'э ца́йр, сéар асýф ло, леитгáлéах у этíв. У ло айя́
мамáш бе-сýтуль, ах рéах áлкооль иги́ф.*

Прозвучал эхом звонок, и гость прибыл ко вдове. Взглянула она в глаза его – в [тот же] момент стал дрожать клитор ее. Напротив нее поклонился человек дородный, исторгающий [в избытке] приятность. Басом, охрипшим от вина, «Лука Мудищев» он пробормотал. Вид молодой, волосы собранные у него, побрился он хорошо. Он не был совсем под балдой, но запах алкоголя издавал.

«פְּמָה נְחֻמְדוּ! רַבִּים הוֹקִירוּ
אֶת זֶה שְׁלָךְ...» – הָאֵלְמָנָה
נְבוֹכָה קָצַת בְּשֶׁהֶפְמִירָה
אֶת הַמִּלָּה הָאַחֲרוֹנָה.

«Ах, очень мило!.. Я так много
О вашем слышала...» – вдова
Как бы смутилась немного,
Сказав последние слова.

«אֵבֶן, לְאוֹת וּלְמוֹצֵת הוּא,
הִנֵּה שְׁלִי!.. מֵאִיֶּךָ, אֵת
בְּמָקוֹם לְכַנֵּךְ עַל הַפְּמִמָּת,
מוֹטֵב שְׁתוֹדֵאֵי לְבָד».

«Да-с, это точно-с; похвалиться
Могу моим!.. Но впрочем вам
Самим бы лучше убедиться,
Чем верить слухам и словам!»

הֵם הִתְנִישְׁבוּ, בְּמוֹן קְבוּעַ
הַמְּשִׁיבֵי לְנֶהֱלֵי דִיּוֹן,
אֵךְ עַל דְּבַר אֶחָד חֲשָׁבוּ הֵם:
אֵיךְ לְהִתְחִיל אֶת הַדִּיּוֹן.

И, продолжая в том же смысле,
Уселись рядышком болтать,
Но лишь одно имели в мысли:
Как бы скорей ебню начать.

«Кама нехмáд! Раbím окíру эт зе шельхá..» – а-альманá навóха куат, кеше-ифтúра эт а-миlá а-ахронá. «Ахéн, ле-óт уле-мофéт у, а-зé шелí!.. Ме-úдах, ат бимкóм лисмóх аль а-патнéтет, мутáв ше-тевад'ú левáд». Эм ит'яшвú, бе-тóн кавúа имшúху ленаéль диbóн, ах аль давáр эхáд хашвú эм: éйх леатхíль эт а-зиbóн.

«Сколько мило! Многие выражали почтение этому вашему...» – вдова смутилась немного, когда произнесла слово последнее. «О да, знамением и примером [служит] он, этот мой... С другой стороны, вы вместо того, чтобы полагаться на болтовню, лучше убедитесь сами». Они уселись, тоном постоянным продолжили вести беседу, но про вещь одну думали они: как начать ебню.

בְּלִי לְשִׁבְשֵׁי שִׁיחָה בּוֹעֲרֶת,   Чтоб не мешать беседе томной,
 מִצָּאָה מִמְרִינֵיהָ לָהּ פֶּנֶה,   Нашла Матрена уголок,
 בַּהּ הִתְיַשְׁבָּה בְּשִׁקְמָה, וְגָרַב   Уселась в нем тихонько, скромно
 לְסוּגַת הַתְּחִילָה בְּצַנְעָה.   И принялась вязать чулок.

בְּשִׁחְשָׁה יְסוּרֵי מִנְמָלוֹם,   Так близко находясь с Лукою,
 וּבְצִלָּהּ לִדְקָה חֶסֶה,   Не в силах снести Тантала мук,
 אֶלְמֵנֶתֶנּוּ אֶת יָדָהּ אִזּוּ   Полезла вдовушка рукою
 שְׁלֶחָה לְעֶבֶר מִכְּנָסָיו.   В карман его суконных брюк.

בְּשִׁאֵת יָדָהּ הִיא הֶעֱבִירָה,   И от ее прикосновенья
 הִנֵּן שָׁל לִדְקָה הַקּוֹיִן,   Хуй у Луки воспрянул вмиг,
 כְּבוֹר, גּוֹרָא, אִים. הַקּוֹיִר הוּא   Как храбрый воин пред сраженьем,
 תָּחִיל לְמוֹד קְרָבוֹת אֶמְוִיִן.   Могуч, и грозен, и велик.

Бли лешабéш сихá боóрет, мацá Матрэна ла пинá, ба ит'яшвá бе-шекет. Гéрев лисрбг итхíла бе-цин'á. Кше-хáша исурéй Танталос, уве-цилá Лукá хасá, альменатéну эт ядá аз шалхá ле-звер михнасбв. Кше-эт ядá и ээвiра, а-зáин шель Лукá экиц, кабiр, норá, айбм. Изкiр у хаяль лемуg кравбт амиц.

Без того, [чтобы] помешать беседе пылающей, нашла Матрена себе угол, в нем уселась в тишине. Чулок вязать начала приватно. Ощувив муки Тантала (а в тени ее Лука пребывает), вдова наша руку свою тогда послала по направлению к брюкам его. Когда руку свою она перенесла, хуй Луки проснулся, большой, грозный, ужасный. Напомнил он солдата, наученного боями [и] храброго.

בְּמִשׁוֹשׁ הַזָּרָג הַסּוֹחֶרֶת	Нашупавши елдак, купчиха
הַתְּלַהֲבָה. לְלֹא הַפּוֹם	Мгновенно вспыхнула огнем
הַחֲבוּכָהּ. בְּרִנָּה, הָרֵשׁ	И прошептала нежно, тихо,
"לֹדְקָה, הַפְּמִרְה, "בּוֹא נֵזוּז".	Склоняясь к нему: «Лука, пойдем!»

כְּלָה רוֹעֵדָת וְגוֹנֶמֶת	И вот вдова вдвоем с Лукою.
אֶלְמִנְתָּנוּ עִם לֹדְקָה.	Она и млеет, и дрожит,
הַדָּם שֶׁלָּהּ סוֹעֵר כְּמוֹ גַּחַל,	И кровь ее бурлит рекою,
אוֹתָרוֹת בָּהּ אִשׁ הַתְּשׁוּקָה.	И страсть огнем ее палит.

זֹרְקָה אֶת הַשְּׂמֹלָה, בְּלֶחֶם	Снимает башмачки и платье,
קָרָעָה תְּחִזָּה שְׂלָהּ,	Рвет в нетерпенье пышный лиф,
אֶת שְׁנֵי הַצִּיצִים עֲרִמְלָה,	И, обе сиськи заголив,
לְקִרְאָת לֹדְקָה חֲבוּק שׁוֹלְחַת.	Зовет Луку в свои объятия.

Би-мишׁוֹשׁ א-זֶרֶג, א-סוֹחֶרֶת וּמְלֵאבָב. לֵה-לוֹ יִשׁוּעַ וּמְכֹפֶפֶת לֵה-פֶּתָה, חֶרֶשׁ «Лука, – וּפְתִירָה, – בּוֹ נִזְזֵז». כּוּלָּהּ רוֹדֶגֶת וֵעֲגוֹנָחַת אֲלֵמֵנֶתֶנוּ וּמֵ לֹדְקָה. א-דָּאם שֶׁלָּהּ סוֹעֵר כְּמוֹ גַּחַל, אוֹתָרוֹת בָּהּ אִשׁ א-תְּשׁוּקָה. זָרְקָה אֶת א-סִמְלָה, בֵּה-לֵאֵת קַרְיָ תֵה-חֲזִיזִי שֶׁלָּהּ, אֶת שְׁנֵי א-צִיצִים וּרְמֵלָה, לִקְרִיאַת לֹדְקָה חֲבוּק שׁוֹלְחַת.

Нашупав член, купчиха раззадорилась. Без промедления нагнулась внезапно, тихо промолвила: «Лука, давай двигаться». Вся дрожит и стонет вдова наша с Лукой. Кровь ее бурлит, как ручей, охватывает ее огонь страсти. Сбросила она платье, с азартом порвала лифчик свой, две сиськи заголила, по направлению к Луке объятие посылает.

בַּיְצוּבוֹיִץ' הַתְּחַרְמֵן מֵהֶר. אֶת
 הַיֵּץ רַבָּא הָעֵמִיד,
 מְשַׁל אֱלֹה פֶה רַצְחֵינִית,
 וְהִסְתַּעַר עַל הַפּוּחִיחַת.

Мудишев тоже разъярился.
 Тряся огромною елдой,
 Как смертоносной булавой,
 Он на купчиху устремился.

אוֹתָהּ תִּפְסֵם הוּא לְאַרְבָּה,
 עַל הַמְּפֹזָה הַשְּׁלִיךְ לְפִתְעָה,
 אֶת הַחֲלָצָה שְׁלֶהָ קָמַט הוּא
 וּבֵין רַגְלֶיהָ פִּין תִּמְקַע.

Ее схватил он поперек,
 И, бросив на кровать с размаху,
 Заверотил он ей рубаху
 И хуй всадил ей промеж ног.

אֵךְ בְּעֵינָה לְהִנְעֵ צָצָה:
 כְּאִלּוּ שְׁיִצּוּל נִנְעֵץ בָּהּ,
 הַבְּחוּרָה הַמְּעַנָּה
 אֶל הַקְּדוּשִׁים הַתְּחַנּוּנָה.

Но тут игра плохая вышла:
 Как будто ей всадили дышло,
 Купчиха начала кричать
 И всех святых на помощь звать.

Бейцубович итхармэн маэр. Эт а-заин раба ээмид, машаль ала ко рацханит, ве-истаэр аль а-сохэрет. Ота тафас у ле-орка, аль а-мита ишлих ле-фета, эт а-хульца шела кимет у у-вейн раглеа нин така. Ах бейя ле-рега цаца: ке-илу ше-яцуль нин'ац ба, а-бахура а-меуна эль а-кдошим итханенá.

Мудишев возбудился быстро. Хуй великий поднял, как будто бы это булава убийственная, и бросился на купчиху. Ее схватил он на [всю] длину ее, на кровать бросил вдруг, рубашку ее смял и между ног ее пипиську воткнул. Но проблема во мгновение возникла: как будто бы дышло вставлено было в нее, девушка, испытывающая муки, к святым взмолилась.

צועקת היא – הוא לא שומע,
 קוליה הולך ומתחזק.
 לוקה רק מתנשף במרץ,
 אותה דופק, דופק, דופק!
 Она кричит – Лука не слышит,
 Она сильнее все орет,
 Лука, как мех кузнечный, дышит
 И все ебет, ебет, ебет!

השדכנית המכהלת
 הדלה לסרג גרביונים,
 הגיבה לצוחות האלה:
 "זיון זה, אפוא, קמלני!"
 Услышав крики эти, сваха
 Спустила петли у чулка
 И говорит, дрожа от страха:
 «Ну, знать, заеб ее Лука!»

מטריונה לחררון דוקרת,
 שם הפוכרת התפרקה,
 הכנים בתחת לה לוקה
 ולזן ממשיך תגברת
 Матрена в будуар вбегает,
 Купчиха выбилась из сил.
 Лука ей в жопу хуёй всадил
 И еть бедняжку продолжает!

*Цоэкет ו, ו לו שומעא, כולא אלה ו-מיתחזק. לוקה רוק
 מיתנשף בע-מערע, אולא דופעק, דופעק, דופעק! א-שאדחאניט א-
 מוואזבלעט חאדל ליערוב גארבייונימ, עגיבא לא-צואחוט א-אלע: «זיובן
 זע, אָפו, קאטלני!» מאטרענא לא-חאדרון דוֹרעט, שאמ א-סוּחֶרעט
 ויטפארקא, ויחניס בא-מאָחאמ לא לוקא ו-לעזען מאמיש'ח טא-גערעט*

Кричит она, он не слышит, голос ее звучит и усиливается. Лука только дышит энергично, ее трахает, трахает, трахает! Сваха напуганная прекратила вязать чулки, отреагировала на вопли эти: «Ебля сия таки убийственная!» Матрена в комнатку несется, там купчиха развалилась на части, вставил в зад ей Лука и ебать продолжает госпожу

הַמִּסְכְּנָה וְהַמְתַּשָּׁת.
 מְמַרְיוֹנָה בְּיָרְאָה וְנִקְה
 וְאֵת לֹקֵה בְּפִין וְאִשְׁךְ
 דִּקְרָה חֹזֵק בְּמִסְרָגָה.
 Матрена, в страхе за вдовицу,
 Спешит на выручку в беде
 И ну колоть вязальной спицей
 Луку то в жопу, то в муде.

לֹקֵה עָלֶיהָ קָם בְּזַעַם,
 עַל הַרְצָפָה אוֹתָהּ זָרֵק
 וּבְרֵאשָׁה הַלֵּם בְּזִין
 הָרֵב, בְּאֵלָיו בְּמוֹרָג.
 Лука воспрянул львом свирепым,
 Матрену на пол повалил
 И длинным хуем, словно цепом
 Ее по голове хватил.

אֵךְ הַפּוֹחֶרֶת רֵאשׁ הַפְּעִילָה,
 תְּחֵה עוֹדֵנָה. בְּאִבְחָה
 תִּפְשָׁה וְאֵז תִּלְשָׁה כְּלִיל הַיָּא
 אֵת הַבְּיָצִים שְׁלֹלֹקָה.
 Но тут купчиха изловчилась,
 (Она еще жива была)
 В муде Лукашкины вцепилась
 И их совсем оторвала.

*a-miskena vea-muteshet. Matrëna be-ur'a zinka ve-ët Luká ba-nin
 ve-áshex dakrá hazák ba-masregá. Luká alea kam be-záam, al a-
 riçná ota zarák uve-roshá alám be-záin a-ráv, ke-úlu ba-morág. Ax
 a-soxéret rosh ufrúla, xay odéna. Be-ivhá tafsá ve-az talshá
 kalíly u et a-beiçím she-le-Luká.*

несчастную и обессиленную. Матрена в страхе рванулась и Луку в член и яйцо уколола сильно спицей. Лука на нее поднялся в гневе, на пол ее бросил и по голове ее ударил хуем великим, как будто цепом. Но купчиха голову действовала, жива еще. Ударно схватила и затем оторвала совершенно она яйца Луки.

אולם את הזקנה חסם הוא,   Но все же он унял старуху:
כמו זבוב הרג אותה פֶּזֶן   Своей елдой убил, как муху,
בן רגע, בְּדַיִק מְדָהִים   В одно мгновенье, наповал,
וּבְעֶצְמוֹ שָׁבַק חַיִּים!   И сам безжизненный упал!

*Ула́м эт а-зкенá хасáм у, кмо звув ара́г отá ба-за́ин бин ре́га,
бе-диу́б мад'áм, уве-ацмо́ шавáк ха́йм.*

Однако старуху заблокировал он, как муху, во мгновение, с точностью потрясающей, и сам испустил дух!

Эпилог

וּבְכֵן? לְתַדְהֶמֶת מוֹסְקָבָה	И что же? К ужасу Москвы
אֶתְרוּ שְׁלוֹשׁ גּוֹפּוֹת, שְׁמֵעָנוּ:	Наутро там нашли три трупа:
הַאֲלֻמָּה הָעֶקְבָה	Средь лужи крови труп вдовы,
מִדָּם, עַד הַפִּמְבוֹר הַמְנוּשׁ	С пиздой, разорванной до пуца,
נִקְרַע, הַשְׂדֵכְנִית – מְבֵה,	Труп свахи, распростертый ниц,
וּבְלִי בִיָּצִים גּוֹפֵת לֹקָה.	И труп Лукаши без яиц.

*Uvchén? Le-tag'émát Moskvá utru' shalósh gufbót, shamánu: a-
almaná a-akubá mi-gám, ad a-tabúr a-mánuh nikrá. A-shadchanít -
muká, u-vli beyúim gufát Luká.*

Итак? К удивлению Москвы найдены были три трупа, слышали мы: вдова, умытая кровью, до пуца киска разорвана, сваха – избитая, и без яиц труп Луки.